

и рвали вместе с одежками и ко-
жу, и мясо...

А сверху, оттуда, из квартир...
не военные, а гражданские немцы
кидали, швыряли в нас чем попа-
дя, в головы наши целились... И
летели на нас утюги, табуретки и
даже цветочницы с цветами... В
Сашку попали сразу, доской в пле-
чо. Аж хрустнуло. Закричал он и
скрючился... А я успел подхватить
его - поволок дальше. Мне тоже и
в спину, и в голову попадали, но я
шел... как помешанный, осатане-
лый... Под стену свалиться нельзя,
стучало в голову, иначе стану до-
бычей автоматчиков и собак. До-
рога одна - посередине улицы...

Кровью уже залило глаза, воло-
сы слиплись, а я шел вперед и впе-
ред. И Сашку тащил. За нашими
спинами пристреливали тех, кто не
мог идти дальше. Их было много.

Слава богу, улица не очень
длинной оказалась. Удалось мне
до конца ее добраться и Сашку
протащить... Опустил его на сухую
траву. А он уже без памяти.

Впереди, через поле, виднелись
вышки только что отстроенного
концентрационного лагеря...

Помню, отец как-то сказал:
«После такой страшной войны, по-
сле разрухи и страданий люди уже
не должны повторить прошлое.
Думаю, дальше будет только мир и
радость»...

Виктор ОМЕЛЬЧЕНКО
Иллюстрация автора
к книге «Голгофа моего отца»

Читатели «МС» с интересом восприняли публикацию отрывков из книги
«Штурм Берлина», подготовленной группой военных корреспондентов и
изданной лишь однажды - по горячим следам битвы за столицу рейха. Уз-
нав, что выпущена она была в 1948 году Военным издательством Мини-
стерства Вооруженных Сил Союза ССР, многие позвонили в редакцию
спрашивают: нельзя ли переиздать уникальный сборник? Этот вопрос мы
переадресовываем Министерству обороны России.

ШТУРМ БЕРЛИНА

(ИЗ ДНЕВНИКОВ И ПИСЕМ)

■ **24 апреля.** «Перед батальоном последняя преграда,
которая отделяет его от центра Берлина, - река Шпрее.
Ночью, под прикрытием темноты, бесшумно подтянули к
берегу два катера. Отделение старшего сержанта Шкурко
первым занимает места. Когда первый катер достиг сере-
дины реки, немцы открыли по нему огонь. Толчок в бе-
рег - и солдаты соскакивают прямо в воду... Пока баталь-
он переправляется через реку, горсточка бойцов, водру-
живших знамя над зданием водной станции, расширяет
маленький плацдарм до двухсот метров по фронту и на
сто метров в глубину». **Капитан КУЗЬМЕНКО.**

■ «На следующий день после того, как наши войска
заняли предместье Берлина - Адлерсхоф, мы подыска-
ли здесь помещение для госпиталя... Сорок шесть раз
развертывался наш госпиталь для приема раненых. В
первый раз это были защитники Москвы... Сейчас ране-
ные прибывают к нам прямо с улиц Берлина. Они возбу-
ждены, глаза блестят. Редко услышишь стон... Из бани
уже доносится смех. Начальник бани младший сержант
Ченчиков в порядке «усовершенствования банного де-

ла» повесил зеркала не только в предбаннике, но и в
мыльной. Раненые острят по этому поводу, а Ченчиков
доволен, что его инициатива пользуется таким успе-
хом». **Подполковник медицинской службы В. ВОЛКОВ.**

■ «То и дело нам встречались большие группы людей
с котомками за плечами. Это наши, русские. Куда держи-
те путь, родные? В Чернигов, в Киев, в Воронеж? Вместе
с нашими, советскими, идут французы, поляки, греки,
датчане, англичане. Все держат курс на восток, на землю,
освобожденную Красной Армией». **Капитан И. СЕНЧА.**

■ **25 апреля.** «Сегодня зачитан приказ Верховного
Главнокомандующего № 342: «Войска 1-го Белорусско-
го фронта перерезали все пути, идущие из Берлина на
запад, и сегодня, 25 апреля, соединились северо-запад-
нее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, за-
вершив таким образом полное окружение Берлина». В
числе других благодарностей объявлена и нам - бойцам,
сержантам и офицерам соединения генерал-майора
Вьдригана». **Майор В. НАЗАРОВ.**

Прямой наводкой. Рис. В. Климашина (Студия им. Грекова).

■ «В облаках дыма, поднимавшегося к зениту над
Берлином, можно было встретить в эти дни сотни на-
ших самолетов. Советские летчики полностью господ-
ствовали в воздухе. Группы «мессершмиттов» и «фок-
кевульфов», которые нам приходилось встречать, по-
чти всегда удирали, не принимая боя». **Трижды Герой Со-
ветского Союза гвардии полковник А. ПОКРЫШКИН.**

Подготовил
Владимир ЛЮБИЦКИЙ

вились первые убитые. Назрева-
ло сражение на Курской дуге, и
госпиталь подтянули ближе к
фронту. Развернулись в районе
Старого Оскола.

Что такое полевой госпиталь?
Два врача - хирург и терапевт,
три медсестры, из которых одна
хирургическая, человек шесть са-
нитарок, пять машин-полторок с
водителями и пара прицепных
кухонь. Размещались в землян-
ках и палатках. Маргарита Гри-
горьевна продолжает:

- Все было рассчитано на две-
сти раненых. Но кто их считал на
самом деле? Когда началось
сражение, их везли с передовой
тысячами. Кое-как и наспех пе-
ревязанные, они проходили у
нас первичную обработку. Ма-
шины мы старались разгрузить
как можно быстрее, чтобы нем-
цы не успели засечь скопление
техники и прислать самолеты.
Не всех успевали довести, вме-
сте с живыми часто выгружали
уже трупы. Хирурга мы практи-
чески не видели, поскольку он
редко выходил из операционной
палатки. В залитом кровью хала-
те он выглядел как мясник. Са-
мая распространённая операция
- ампутация. И нам, санитаркам,
доставалось. Занесешь что-ни-
будь в операционную, а там хи-
рург как раз последние швы на
культю накладывает. Рядом - но-
га отрезанная. Вот подхватыва-
ешь ее и несешь к специально
вырытой ямке. Но это еще не
все. Не хватало самых необходи-
мых медикаментов. С умерших
не только одежду снимали, но и
бинты. Потом их стирали, стерили-
зовали и снова пускали в ход.
Они у нас кремового цвета были.
Вместо обезболивающего и нар-
коза - медицинский спирт. Ране-
ного режут, а он мечется и бре-
дит - маму вспоминает, в атаку
рвется, матерится. Танкистов
привозили просто в жутком со-
стоянии. Лицо, руки - все до ко-
стей сгоревшее. Не раз видела,
как убивает человека газовая
гангрена. Такие раненые часто
до последнего оставались в яс-
ном сознании. Сидишь рядом,
разговариваешь с ним, а потом
вдруг он никнет, и все... Хирург
специально для нас как-то
вскрытие сделал, чтобы объяс-
нить: смерть наступает, когда газ
к сердцу подбирается. А пере-
вязки? Сколько повидала ран с
копашимися там червями.
Поначалу думала, что надо их
вычищать напрочь, но мне рас-
толковали, что они гной уничто-
жают. Были дни, когда по двад-
цать - тридцать человек умира-

ли. Вещи умершего полагалось
разобрать, а документы, какие-
то личные мелочи отправить
родным. Мы находили письма
из дома, читали их и обливались
слезами. Чужое горе волей-не-
волей пропускали через себя.

Маргарита Григорьевна до сих
пор убеждена: если можно пред-
ставить себе ад на земле, так это
полевой госпиталь. В общей
сложности она провела на
фронте войны два года и семь
месяцев. Случалось всякое, не
раз попадала под бомбежки и
обстрелы. Страшно было? Ко-
нечно. Но ничто не могло срав-
ниться с ужасом, который она
пережила в госпитале, когда ка-
ждый день на ее глазах десятка-
ми умирали люди.

Если раненых поступало осо-
бенно много, горячую пищу не
готовили. В полевых кухнях едва
успевали кипятить воду, которая
требовалась в огромном количе-
стве. Проблему питания решали
сухим пайком.

- А весь паек - сухари да сало,
- вспоминает Маргарита Григорь-
евна. - Ну, еще чай, конечно. Но
была проблема с ранеными узбе-
ками: мы никакими убеждениями
и ухищрениями не могли заста-
вить их есть сало. Так и обходи-
лись они размоченными в кипятке
сухарями.

Из полевого госпиталя ране-
ных по возможности быстро от-
правляли в тыл. Чаще всего гру-
зили их в ступебейеры, которые
подвозили к фронту боеприпасы,
а обратно шли порожними. В
редких случаях вызывали само-
лет. Прилетал обычно Р-5, кото-
рый брал на борт двоих раненых
- лежачего и сидячего.

Лето 43-го оставило Маргари-
те Григорьевне еще одно тяжелое
воспоминание:

- Проходило мимо какое-то пе-
хотное подразделение, возмож-
но, рота. И вдруг колонна остано-
вилась. А мы всегда опасались
демакировки, скопления вблизи
нашего расположения людей и
техники. Пошли узнать, в чем де-
ло. Видим, несколько солдат ко-
пают на обочине яму. Один из
тех, кто копал, был без ремня, да-
же пуговицы с гимнастерки сре-
заны. Оказалось, это он для себя
могилу роет. Тут же зачитали не-
то приказ, не то приговор и рас-
стреляли солдата. Могилу по-
том просто сровняли с землей.
Так нам его жалко было! Но жес-
ткость в конечном счете огруб-
ляет. Нельзя сказать, что приви-
каешь, но, по-видимому, какая-
то защитная реакция срабатыва-
ет. Многие девчонки начинали

курить, выпивать. Слава богу, ме-
ня это миновало.

ПРОЩАЛЬНАЯ УЛЫБКА АСА

Фронт смещался на запад - тяже-
ло, но неудержимо. Госпиталь пе-
ребросили вначале в Сумскую об-
ласть, потом под Харьков. Осен-
ью началось решающее наступ-
ление на Киев. И тут военная
судьба Риты Четверухиной со-

стала зенитчицей, на батарее ме-
ня определили заряжающей.
Служили здесь в основном укра-
инцы и сибиряки. Пулеметы и зе-
нитные пушки устанавливались
прямо на платформах, и мы пе-
редвигались в составе эшелонов.

Километрах в восьмидесяти
западнее Киева эшелон с бата-
рей остановился на какой-то стан-
ции. Здесь-то и показали себя
девчата-зенитчицы.

Подруги боевые (слева направо): Ася Шашкина и Рита Четверухина. Краков. Июнь 45-го.

вершает резкий поворот. Во вре-
мя очередной передислокации
госпиталя она попадает под бом-
бежку и получает контузию.

- На станции в Нежине все и
случилось, - рассказывает она. -
В итоге сама оказалась в госпи-
тале. Какое-то время вообще не
могла говорить, видела очень
плохо. Когда через месяц выпито-
салась, догонять свой госпиталь
было уже поздно. И меня через
комендатуру направили в 47-й
полк ПВО, сопровождавший же-
лезнодорожные эшелоны. Так я

- На путях оставалось несколь-
ко составов с боеприпасами и ра-
ненными, и тут свалились немец-
кие самолеты. Бомбили жутко! И
надо было если не сбить, то хотя
бы прогнать их. Один пилот вел
себя особенно нагло, пролетал
совсем низко, чуть ли не над го-
ловами. Сквозь остекление каби-
ны мы успели заметить даже ух-
мылку на его лице. Вот этот са-
молет и сбил наш расчет... - Мар-
гарита Григорьевна умолкает и
перебирает разложенные на сто-
ле награды. Их немало - юбилей-

ные медали, орден Отечествен-
ной войны. Но она берет в руки
самую невзрачную медаль с по-
тертой ленточкой - «За боевые
заслуги». - Вот самая дорогая
для меня награда. Единственная
медаль, которую я получила на
войне, как раз за тот сбитый бом-
бардировщик.

ОТРАВЛЕННЫЙ ВЗВОД

Дальнейший путь пролегал через
Тернополь и Львов. К тому вре-
мени батарее уже перегрузили с
платформ на мощные грузовики.
А Риту перевели в штаб полка,
где она исполняла обязанности
связиста. В западных областях
Украины, как затем и в Польше,
отнюдь не все население встре-
чало нашу армию как освободи-
тельницу. Вокруг орудовали бан-
деровцы, и всегда надо было
ждать удара в спину. Вот какой
эпизод 1944-го вспоминает Мар-
гарита Григорьевна:

- Мы сделали остановку на
марше. Комполка, другие штаб-
ные и водители разместились в
стоявшем на отшибе домике. Во-
круг расставили пять наших сту-
дебейеров. Так получилось, что
на посты определили меня и еще
одну девушку. Ей полагалось ох-
ранять домик, а мне - машины.
Лето было, как раз картошка от-
цвела. Ночь выдалась темная, и
мы с подругой отчаянно трусили.
Знали, что где-то поблизости
бродят бандеровцы, да еще мес-
то само по себе опасное. Все во-
круг изрыто траншеями, так что
подобраться незаметно к нашему
расположению ничего не стоило.
В общем, решили мы вместе ночь
коротать, чтоб не так страшно
было. Забрался в кабину грузо-
вика и сидим тихо-тихо... Вдруг
слышим шаги, темный силуэт по-
явился. Нам бы крикнуть «Стой!
Кто идет?», а мы от страха просто
молча сползаем по сиденью
вниз, чтобы нас не заметили.
Оказалось, это разводивший наш
идет, старший лейтенант Павел
Дураков, тоже москвич, кстати.

Он был командиром взвода со-
провождения. В общем, задал он
жару. «Что ж вы делаете? - гово-
рит. - Здесь же штаб, знамя пол-
ковое, боеприпасы в машинах, а
вы посты бросили. Штрафбат за
такое полагается!» Но посмотрел
он на нас, двух испуганных до
смерти девчонок, и, конечно, по-
жалел: «Ладно, никому ничего не
скажу. Дальше втроем патрули-
ровать будем».

Не случайно вспомнила Марга-
рита Григорьевна Павла Дурако-
ва. Уже в победном 1945 году,

когда полк находился в районе
Кракова, он погиб вместе со сво-
им взводом. Погиб нелепо.

- Поляки внешне относились к
нам приветливо, - рассказывает
Маргарита Григорьевна. - Но
многие держали нож за спиной.
В общем, угостили наших ребят
шнапсом. Как оказалось, древеси-
нным спиртом. Если бы сразу спо-
хватились, отпоили бы их моло-
ком, но время позднее было. К
утру двенадцать человек мертвы
были. В том числе и мой земляк
старший лейтенант Дураков.

ОДНА НА ВСЕХ...

Победу праздновали в Кракове.
Устроили салют импровизиро-
ванный, потом отправились в ка-
фе. Только одна мысль владела
всеми: скоро домой! Но последо-
вал другой приказ. В числе дру-
гих воинских частей зенитный
полк перебросили на Дальний
Восток, громить японцев. В итоге
ефрейтор Рита Четверухина де-
мобилизовалась только в октяб-
ре 1945 года. Представьте, ей,
бывалой фронтовичке, исполни-
лось в ту пору всего-то двадцать
с небольшим. Но сколько пере-
жито в эти юные годы!

Послевоенная судьба склады-
валась обычно. Вышла замуж,
родила дочь, техникум окончи-
ла. Много лет трудилась в сис-
теме Мосэнерго, а затем в Ин-
ституте радиотехники и элект-
роники АН СССР.

- Некоторые ветераны обижа-
ются на недостаток внимания к
ним, - продолжает она. - Но тем,
кто воевал, я считаю, грех оби-
жаться. Пенсию хорошую полу-
чаем, Лужков нам еще доплачи-
вает. В институте, откуда я ухо-
дила на пенсию, нас всегда за-
мечательно встречают, банкет
устраивают.

Все так, мирная жизнь сложи-
лась нормально. Но война все
равно близко. Некоторые филь-
мы Маргарита Григорьевна не
может смотреть без слез.

- На экране редко увидишь
правду о войне, - считает она. -
Но есть исключения. Очень близ-
ко мне трагедия девушек из
фильма «А зори здесь тихие...»
Над «Белорусским вокзалом»
слезами обливаюсь, дочь уже ру-
гается: «Зачем ты, мама, его
опять смотришь?» А как не смот-
реть? От пережитого не уйти.

Помолчав, Маргарита Григорь-
евна заключает:

- Знаете, война у каждого
своя. А вот победа - точно одна
на всех.

Петр ПОЛЫНОВ